

УДК 008

А.Л. Кравченко, Ю.А. Волчкова

«Теория мертвого интернета» как феномен современной цифровой культуры

Аннотация:

Представлен анализ «теории мертвого интернета» как феномена цифровой культуры, получившего популярность в середине 2010-х – начале 2020-х гг. Рассмотрен генезис, ключевые положения и аргументация сторонников нарратива о «мертвом интернете». Выявлено его проблемное поле, связанное с кризисом аутентичности, алгоритмическим отчуждением и экономической детерминацией цифрового пространства. Показаны контраргументы, ставящие под сомнение обоснованность нарратива. Сделан вывод о том, что «теория мертвого интернета» выступает культурным симптомом и мифом, отражающим коллективные тревоги, связанные с процессами дегуманизации цифровой среды и утраты чувства подлинности интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: теория мертвого интернета, цифровая культура, искусственный интеллект, миф, симулякр, цифровое общество, социальная теория.

Об авторах: Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Волчкова Юлия Александровна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: julievolchok@yandex.ru

Введение

«Теория мертвого интернета» (Dead Internet Theory), возникшая на периферии цифрового пространства, за несколько лет трансформировалась из маргинального конспирологического нарратива во влиятельный культурный миф, претендующий на объяснение фундаментальных трансформаций медийной среды. Ее центральный постулат заключается в том, что интернет, каким его знали пользователи 1990-х и 2000-х гг., фактически прекратил свое существование, уступив место алгоритмически

сконструированной симуляции, где ботам и контенту, генерируемому искусственным интеллектом (далее – ИИ), принадлежит доминирующая роль, а человеческая активность оказывается маргинализированной или полностью вытесненной.

В 2021 г. на зарубежных форумах распространился манифест «Теория мертвого интернета: большая часть интернета – фейк», а в журнале The Atlantic вышла статья «Может быть, вы не заметили, но интернет «умер» пять лет назад» [5; 12]. В текстах звучал тезис: примерно с 2016-2017 гг. большая часть контента в интернете генерируется ботами и алгоритмами, которые во многом контролируются корпорациями и иными структурами для манипуляции общественным мнением.

Миф о «мертвом интернете»

Как отмечает Р. Барт, миф подменяет реальность, формируя новую, идеологически окрашенную объективность. В то же время он «ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение» [1, с. 289]. Поэтому мифологическое воспринимается субъектом как нечто разумеющееся и естественное. Колонизируя реальность, миф лишает вещи их подлинности и истории. В этой связи мифологизация интернет-пространства маскирует реальные социально-технологические проблемы алгоритмизации, кризиса доверия и коммерциализации внимания пользователей под нарратив о захвате сети. Тем не менее мифы возникают в переходные периоды, когда прежние модели восприятия перестают адекватно описывать реальность, а новых еще не появилось.

Несмотря на явный внешний конспирологический характер, концепт «мертвый интернет» представляет значительный интерес для культурологического анализа как симптом глубинных сдвигов в восприятии цифровой реальности, кризиса доверия к медиасреде и трансформации понятия аутентичности в эпоху цифровизации и «власти алгоритмов» [9]. Возникновение «теории мертвого интернета» хронологически совпадает с периодом растущей коммерциализации и платформизации сети. Если ранний интернет (эпоха Web 1.0) характеризовался относительной прозрачностью и ориентацией на гипертекстовые структуры, а эпоха Web 2.0 была провозглашена временем пользовательского контента и социального взаимодействия, то к середине 2010-х гг. на первый план вышла логика платформ-посредников, которые все больше стали напоминать «цифровых суверенов», контролирующих потоки информации и социальных взаимодействий.

В этой связи социальный теоретик Я. Варуфакис характеризует современную эпоху как «технофеодализм», где на смену классическим буржуа приходят облачные «технофеодалы», существующие за счет облачной ренты и скрытых механизмов извлечения стоимости, заложенных в цифровые платформы, которыми они владеют. Пользователи, в свою очередь, потребляют контент и ежемесячно оплачивают подписки за доступ к нему, оказываясь в роли «цифровых крепостных», предоставляя персональные данные [4].

В подобном контексте и сформировался нарратив о «смерти» изначального интернета. Первые систематические формулировки «теории» появились на анонимных форумах, где пользователи констатировали нарастающую «стерильность» цифровой среды, исчезновение органичных сообществ и подмену живого человеческого общения алгоритмически управляемыми взаимодействиями. Популяризации «теории» способствовала последующая адаптация в мейнстримовых медиа, что свидетельствует о ее резонансе с широко распространенными настроениями цифрового отчуждения.

Интернет как пространство симулякров

Проблематика, поднимаемая «теорией мертвого интернета», многогранна и затрагивает ключевые вопросы цифровой эпохи. В частности, современный этап развития культуры, соответствующий цифровому обществу, тесно связан с феноменом симуляции [6]. Так, в работе «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр описывает порядок, в котором знак больше не отсылает к реальности, а замещает ее, создавая «гиперреальность». Симулякр предстает образом, первоначально соответствующим реальности фундаментальной, однако впоследствии реальность начинает им «маскироваться и искажаться» [3, с. 12].

Дальнейшее развитие образа приводит к маскировке отсутствия фундаментальной реальности и, наконец, образ становится «подлинным» симулякром, когда утрачивает с ней всякую связь и оказывается собственным порождением. Поэтому симулякр предстает не просто образом, маскирующим истину, а самой «истиной, скрывающей свое же отсутствие». В концепции Бодрийяра современное общество воспроизводится посредством моделей реального, лишенных оригинала реальности. Реальность подменяется гиперреальностью, стирающей реальное как «систему координат» и превращающей его в модель [2, с. 78].

Отметим, что концепция Бодрийяра оказала существенное влияние не только на дальнейшее развитие социальной теории, но и массовую культуру конца XX – начала XXI вв. Показательным примером служит художественный фильм «Матрица», в начале которого главный герой использует томик «Симулякров и симуляций» в качестве тайника. Показательно, что и книга в кадре – очевидная бутафория, поскольку объем подлинника намного меньше и не позволяет прятать в себе наличные деньги или диски¹.

В контексте бесконечных цепей симуляций, где знаки теряют связь с референтом и начинают воспроизводить друг друга, современный интернет может быть описан как пространство симулятивных коммуникаций: лайки, комментарии, репосты сохраняют внешние формы взаимодействия, но утрачивают внутренний смысл. При этом «теория мертвого интернета» представляет собой доведение симулятивного нарратива до предела: цифровое пространство превращается в поле симулякров, где боты имитируют эмоции, дискуссии и интересы, а алгоритмически сгенерированный контент бесконечно рекомбинирует сам себя.

Экономическая детерминация цифрового пространства

Иным аспектом цифровой культуры, который затрагивается концептом «мертвого интернета», становится феномен алгоритмического отчуждения. Пользователь перестает быть суверенным субъектом коммуникации, оказываясь объектом манипулятивных практик. Его внимание выступает ресурсом, который необходимо удерживать персонализированными лентами, рекомендательными системами и оптимизированным под максимальное вовлечение контентом. Протоколы и алгоритмы начинают определять саму онтологию сетевого пространства, предписывая допустимые формы действия, что в конечном итоге приводит к девальвации спонтанной человеческой коммуникации. Алгоритмы не только создают контент, но и формируют паттерны поведения и моральные установки пользователей.

¹ Вместе с тем в недавней статье группа ученых опровергла радикальную «теорию» симуляции, согласно которой человечество может жить внутри смоделированной компьютером симулятивной реальности, подобно тому, как это описано в «Матрице» – исследователи заключают: «глубинную» информацию Вселенной нельзя смоделировать, поскольку завершённое описание реальности нельзя получить лишь с помощью вычислений [11].

В подобных условиях алгоритмической культуры человек утрачивает контроль над цифровым окружением, поскольку его выбор не столько личный, сколько предварительно отфильтрованный интерфейсами цифровой платформы. Все это формирует ощущение «сетевой пустоты», ведь выражение «настоящих» пользователей в сетевом пространстве обезличено и лишено рефлексивности. Как отмечает Н. Срничек, цифровые платформы оказываются бизнес-моделями, а их целью выступает прежде всего хранение и использование колоссальных объемов извлекаемых данных – новой «нефти» XXI в. В то же время всякая платформа характеризуется сетевым эффектом – стремлению к монополизации за счет увеличения спектра реализуемых товаров и услуг и постоянного наращивания аудитории [8, с. 43-45].

Представляется, что на это преимущественно и направлены алгоритмы, влияющие на потребительское поведение пользователей и порождающие тем самым феномен «эрозии субъектности», где человек постепенно трансформируется из активного актора сетевых коммуникаций в пассивный объект алгоритмизации. По этой причине концепт «мертвого интернета» затрагивает проблему экономической детерминации цифрового пространства. Движущей силой «омертвления» выступает доминирующая рекламная модель, основанная на внимании. Боты и ИИ-контент оказываются идеальными агентами такой системы: они относительно недорогие, бесконечно масштабируемы и могут быть настроены на генерацию кликов и удержание пользователя. В частности, это приводит к появлению «цифровых пустырей» – бесчисленных сайтов, наполненных SEO-оптимизированными, но семантически пустыми текстами. Экономическая эффективность в «пустырях» напрямую противоречит культурной и коммуникативной ценности.

Аргументы и критика «теории мертвого интернета»

Аргументация сторонников «теории мертвого интернета» опирается на ряд наблюдаемых феноменов. Статистические данные, указывающие на то, что почти половина интернет-трафика генерируется ботами, служат количественным подтверждением тезисов. Так, в ежегодном отчете Imperva указано, что 50% всего интернет-трафика в 2024 г. было сгенерировано ботами [5].

Качественные аргументы включают в себя повсеместное распространение шаблонных, лишенных контекста комментариев в социальных сетях, которые воспроизводят одни и те же фразы и реакции, создавая иллюзию массового одобрения или обсуждения. Ярким примером выступают многочисленные посты, содержащие

технические ошибки (например, видео без звука), в обсуждениях под которыми разворачиваются активные «дискуссии» о содержании, что выдает неспособность ботов к контекстуальному анализу.

Другим аргументом оказывается существование миллионов фейковых аккаунтов и виртуальных инфлюенсеров, чья цифровая идентичность целиком сконструирована и управляется для коммерческих или пропагандистских целей. Эти аккаунты, часто использующие аватары, сгенерированные нейросетями, участвуют в создании видимости социальной активности, формируя «инструментарий поведения» для управления массовым сознанием. Наконец, к аргументам можно отнести новостные и даже научные статьи, полностью составленные нейросетью, отличить которые от «человеческих» с каждым днем становится все сложнее [14].

Критика «теории мертвого интернета» указывает на ее методологические слабости и преувеличения. Прежде всего, «теория» едва ли отличается точными и непротиворечивыми данными о реальном масштабе явления – различные исследования приводят сильно расходящиеся оценки доли бот-трафика и ИИ-сгенерированного контента. Кроме того, «теория» явно недооценивает резистентность и адаптивность человеческих сообществ. В ответ на засилье алгоритмов и коммерциализацию в цифровой среде постоянно возникают новые, нишевые платформы и формы коммуникации, основанные на принципах доверия, аутентичности и прямой модерации. Постепенно пользователи развивают «цифровую грамотность», учась распознавать симуляцию и целенаправленно искать пространства для подлинного взаимодействия.

История интернета демонстрирует, что паника по поводу его «смерти» или фундаментальной порчи оказывается циклично повторяющимся культурным сценарием. Аналогичные дискурсы сопровождали переход к эпохе Web 2.0, которую винили в дилетантизме и падении качества контента, а вместе с ней и расцвет социальных сетей, который, по мнению критиков, должен был убить «нормальный» интернет эпохи Web 1.0. Однако всякий раз интернет не умирал, но мутировал, интегрируя новые технологические формы и порождая иные социокультурные практики.

Констатация «смерти» интернета сама по себе оказывается весьма характерной для современности, где помимо интернета за последние десятилетия неоднократно заявлялось о конце (т.е. «смерти») истории, идеологии, искусства, социального, постмодернизма, а вслед за ним и постпостмодернизма и пр. [7]. В этой связи «теория мертвого интернета»

выступает не столько диагнозом, сколько симптомом цифровой современности – культурным барометром, фиксирующим современные общественные тревоги. Она выражает страх перед утратой человеческого контроля, ностальгию по «настоящему» интернет-общению и растущее недоверие к переходу сети в платформенный формат. Концепт знаменует кризис цифровой культуры, где прежние нормы онлайн-взаимодействия оказались размыты, а новые еще не сформировались [10].

Заключение

Дальнейшее развитие интернет-коммуникаций может быть реализовано в разных сценариях. Так, пессимистический сценарий предполагает реализацию пророчеств «теории»: «вымирание» человеческого сегмента интернета, его вытеснение в маргинализированные, плохо индексируемые «подпольные» пространства, в то время как мейнстрим превратится в полностью алгоритмизированную медиасреду для потребления рекламного контента.

Оптимистический сценарий предполагает, что развитие технологий верификации контента (например, водяных знаков для ИИ-генерируемых материалов) и рост цифровой грамотности пользователей позволят выработать новые иммунитеты против симуляции. В этом случае интернет эволюционирует в гибридную среду, где ИИ будет выполнять вспомогательные сервисные функции, а за человеком сохранится роль конечного смыслопорождающего субъекта [13].

Таким образом, «теория мертвого интернета», отвергаемая как буквальная истина, выполняет важнейшую культурологическую функцию – она служит зеркалом, в котором цифровое общество обнаруживает свои страхи и противоречия. Ее возникновение и популярность сигнализируют о необходимости переосмысления фундаментальных категорий аутентичности, сообщества, доверия и др. в условиях, когда сама ткань реальности все больше опосредуется алгоритмами и оказывается населена цифровыми фантомами. В то же время у затрагиваемых «теорией» явлений прослеживается четкая экономическая мотивация – удержать внимание пользователей и монетизировать его любыми средствами. Будущее интернета будет определяться не столько технологическим развитием, сколько нашей коллективной способностью отстаивать в нем человеческое измерение.

Библиографический список:

1. Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 4-е изд. М.: Академический проект, 2017. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы / Бодрийяр Ж. Фантомы современности. Сиоран Э. Конец истории. М.: Алгоритм, 2015. 272 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2018. 240 с.
4. Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм / пер. А. Снигилов, науч. ред. А. Павлов. М.: Ад Маргинем, 2025. 304 с.
5. Вся правда о «мертвом интернете»: почему теория о сгенерированных ботами сайтах стала вирусной [Электронный ресурс] // Tproger. Режим доступа: <https://tproger.ru/articles/vsya-pravda-o--myortvom-internete---pochemu-teoriya-o-sgenerirovannyh-botami-sajtah-stala-virusnoj> (дата обращения 24.11.2025).
6. Кузнецова Т.Ф. «Цифровая культура» // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233-237.
7. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 560 с.
8. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
9. Di Placido D. The Dead Internet Theory, Explained [Электронный ресурс] // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/danidiplacido/2024/01/16/the-dead-internet-theory-explained/> (дата обращения 04.11.2025).
10. Eissa M. The Influence of AI-Generated Content on Trust and Credibility within Specialized Online Communities // ShodhAI: Journal of Artificial Intelligence. 2025. Vol. 2, No. 2. Pp. 1-14.
11. Faizal M. Consequences of Undecidability in Physics on the Theory of Everything / M. Faizal, L. Krauss, A. Shabir, F. Marino // Journal of Holography Applications in Physics. 2025. Vol. 5, No 2. Pp. 10-21.
12. Maybe You Missed It, but the Internet ‘Died’ Five Years Ago [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2021/08/dead-internet-theory-wrong-but-feels-true/619937/> (дата обращения: 24.11.2025).

13. Mazumdar P. The Dead Internet Theory: A Survey on Artificial Interactions and the Future of Social Media / P. Muzumdar, S. Cheemalapati, S. Remireddy, K. Singh // Asian Journal of Research in Computer Science. 2025. Vol. 18, No.1. Pp. 67-73.

14. We Asked GPT-3 to Write an Academic Paper about Itself – Then we Tried to Get It Published [Электронный ресурс] // Scientific American. Режим доступа: <https://www.scientificamerican.com/article/we-asked-gpt-3-to-write-an-academic-paper-about-itself-mdash-then-we-tried-to-get-it-published/> (дата обращения: 24.11.2025).

Kravchenko A.L., Volchkova Yu.A. **The Theory of the «Dead Internet» as a Phenomenon of Modern Digital Culture**

The article presents an analysis of the «theory of the dead Internet» as a phenomenon of digital culture that gained popularity in the mid-2010s and early 2020s. It examines the genesis, key provisions, and arguments of the «dead Internet» narrative, highlighting its problematic aspects related to the crisis of authenticity, algorithmic alienation, and economic determinism in the digital space. The article also presents counterarguments that challenge the validity of this narrative. It is concluded that the «theory of the dead Internet» is a cultural symptom and myth that reflects collective concerns about the dehumanization of the digital environment and the loss of authenticity in online communication.

Keywords: theory of the dead internet, digital culture, artificial intelligence, myth, simulacrum, digital society, social theory.